

43. Bocca di lupo // Treccani Vocabolario on line [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.treccani.it/vocabolario/bocca-di-lupo/>. – Дата доступа : 24.09.2022.

44. Jamrozik, E. Sull'origine della formula *in bocca al lupo* / E. Jamrozik // La Crusca per n°33, ottobre 2006, p. 18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://accademiadellacrusca.it/it/consulenza/sullorigine-della-formula-in-bocca-al-lupo/164>. – Дата доступа : 24.09.2022.

Abstract. The article describes multilingual fixed expressions, the antiphrastic form of which conceals an encrypted wish of good luck. Similarities and differences are revealed in the linguistic coding of information aimed at eliminating or canceling the harmful influence of the external forces. Hypotheses about the origin of wishes with an apotropaic function are considered. It turns out that the same semiotic model, which embodies the desire of a person to find protection from evil and resist it, hides behind the difference in images and structures.

Keywords: language, dictionary, fixed expression, idiom, image, origin, apotropaic function.

УДК 811'25:398.92

А. В. Павлова

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Аннотация. В статье ставится вопрос о назревшей необходимости отражения в двуязычных фразеологических словарях нескольких альтернативных возможностей перевода и о пополнении словарей информацией, касающейся степени близости оригинала-леммы и ее предлагаемых переводов. Эта степень близости может быть определена при множественном (многовекторном) подходе к критериям полной и частичной эквивалентности.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический словарь, двуязычная фразеография, эквивалентность перевода.

Проблеме переводимости фразеологизмов посвящено немало научных работ, прежде всего в области теории перевода. Современное состояние проблематики обстоятельно и подробно освещено в [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Наиболее существенный аспект этой проблематики состоит в необходимости различения уровня языковой системы и речевой деятельности, с одной стороны, и в тенденциях взаимопроникновения этих уровней во фразеографической практике, с другой. Несмотря на большую традицию составления фразеологических двуязычных словарей, современная фразеография должна опираться на достижения корпусной лингвистики и исследования в области переводоведения. Эти достижения подводят фразеографов к необходимости учитывать большее разнообразие и более индивидуальные способы перевода фразеологизмов по сравнению с теми эквивалентами или квази-эквивалентами (неидиоматическими соответствиями), которые предлагаются имеющимися в настоящее время словарями.

Традиционные двуязычные фразеологические словари [например, 9; 10; 11; 12; 13] ориентируются на абстрактно-языковой уровень отражения эквивалентности: в качестве соответствий для леммы приводятся один-два наиболее типичных, с точки зрения фразеографа, перевода; в больших словарях эти соответствия иллюстрируются одним-двумя примерами. Не указывается, можно ли использовать эти переводы для любого контекста и являются ли они полными эквивалентами или лишь приблизительно передают значение леммы. Квази-эквиваленты, т. е. неидиоматические соответствия, в словарях обычно не отделяются от эквивалентов-фразеологизмов и не комментируются как нефразеологизмы. Неполная (частичная) эквивалентность никак не комментируется. Иными словами, в словарях не содержится информации, которая требуется пользователю, особенно если это человек, не слишком искушенный в переводе (например, начинающий переводчик, студент или школьник), или человек, изучающий язык перевода как иностранный.

В реальности для каждой леммы имеется, как правило, значительно больше одного-двух соответствий – даже на языковом, отвлеченном от конкретных текстов, уровне. Многие фразеологизмы можно было бы переводить, например, более идиоматично, более образно, чем предлагается словарями. Скажем, в [9] часто приводятся неидиоматичные переводы там, где даже на абстрактно-отвлеченном уровне, вне конкретных контекстов, имеются идиоматичные.

Сказанное вовсе не означает, что существующие словари плохи. Но фразеографическую практику составления двуязычных словарей следует расширять путем учета накопленного переводческого опыта. Эта практика развивается и совершенствуется благодаря все более интенсивному использованию параллельных текстовых корпусов [3; 4; 5]. Становится понятно, что необходимо дополнять словарные статьи двуязычных фразеологических словарей с учетом множества факторов, касающихся особенностей употребления и перевода фразеологизмов в текстах. Такой подход остро требуется практикующим переводчикам.

Фразеографы должны учитывать конкретные переводческие решения. Но при этом необходимо отделять единичные случаи от типичных, повторяющихся. Фразеологические двуязычные словари не в состоянии и не должны рассматривать все возможные решения переводчиков, которые отыскиваются в параллельных текстовых корпусах. Для определения степени типичности перевода требуются корпусы большого объема.

Известно, что условия контекста могут побудить переводчика отказаться от соответствий, предлагаемых фразеологическим двуязычным словарем, в пользу совсем иного решения. Помимо контекста, решения переводчика зависят еще от целого ряда факторов, которые не могут учитываться двуязычными словарями. Для принятия решений играют существенную роль такие параметры, как эпоха создания конкретного текста, его культурный фон, описываемые в тексте ситуации. Альтернативные по сравнению с рекомендациями двуязычных словарей решения принимаются переводчиками иногда и из-за специфики жанра текста (например, в публицистическом тексте фразеологизм может быть переведен не так, как он был бы переведен в рекламном тексте). Релевантны для решений и индивидуальный стиль автора, и (в художественной литературе) необходимость отражения характера протагониста в его речи, и личные предпочтения переводчика. В зависимости от целевой группы также можно наблюдать варианты перевода, отличные от предлагаемых фразеографами: например, идиому в тексте, адресованном детям, возможно, переводчик захочет перевести иначе, чем ту же идиому в литературе для взрослых. (Аспект языковой игры, которая часто требует специфических переводческих решений, мы оставляем за скобками. Этот аспект достаточно очевиден).

Но сколь самостоятельны ни были бы переводческие решения, исследования частоты употребления переводчиками соответствий, предлагаемых двуязычными фразеологическими словарями, показывают, что варианты переводов, согласующиеся со словарями или непосредственно почерпнутые из них, используются на практике заметно чаще индивидуальных, отклоняющихся от словарных [14]. Так, согласно Национальному корпусу русского языка, фразеологизм *Wort halten* переводится в текстах в большинстве случаев фразеологизмом *держат слово / сдержат слово*, т. е. эквивалентом, предлагаемым двуязычным словарем [9]. Тем интереснее анализировать случаи несовпадений, т. е. переводов, альтернативных словарному, – например, *обещать, не обмануть, не отказываться от своих слов*. Подобные несовпадения с эквивалентом на языковом уровне способны обогатить фразеографическую статью, продемонстрировать разнообразие возможностей, которыми обладает переводчик, исследовать причины отклонений.

С возникновением текстовых корпусов назрел более детальный и корпусно-ориентированный подход к фразеографической практике. Так, если решение, найденное переводчиком и не совпадающее с тем, которое предлагается имеющимся в распоряжении двуязычным словарем, представляется опытному переводоведу или фразео-

графу перспективным и годным для иных (воображаемых, теоретически возможных) контекстов определенного типа, следовало бы рассмотреть такой перевод как возможный кандидат на фразеографирование при создании нового словаря. Например, при использовании конкретного фразеологизма в сочетании с местоимением первого лица он переводится иначе, чем в сочетании с показателями третьего лица, и эта регулярность отражена в текстовом корпусе. При наличии отрицания фразеологизм может переводиться иначе, чем в положительном контексте. В отделении единичного от типического и полезного для иных, воображаемых контекстов играет роль как достаточно большой массив переводных примеров, так и лингвистическая интуиция исследователя. К сожалению, параллельный подкорпус Национального корпуса русского языка в настоящее время недостаточно велик и репрезентативен, чтобы делать выводы, о которых здесь говорится. Но этот корпус быстро растет, и надо надеяться, что через пару лет он уже сможет выполнять функцию обоснования для расширения и уточнения фразеографических описаний.

Современные двуязычные словари в области фразеологии должны были бы не только приводить несколько возможностей для перевода одного и того же фразеологизма, иллюстрируя их примерами и пояснениями, в какой ситуации какой перевод предпочтительнее, но и давать пользователям информацию о степени близости предлагаемых переводов оригиналу, то есть информировать о мере его эквивалентности.

Для реализации этой цели имело бы смысл обратиться не только к текстовым корпусам, но и к опыту переводоведения. Именно здесь можно почерпнуть методы исследования степеней эквивалентности. В переводоведении распространен подход к переводимости и эквивалентности в области фразеологии, заключающийся в сравнении перевода и оригинала конкретных текстов (чаще всего литературных произведений) и составлении вытекающей из этого анализа типологии различных методов перевода фразеологизмов и определения различных типов эквивалентности (например: полная, частичная, замена аналогом, нулевая); см. обзор и критику такого рода типологий в [3]. С критической позицией Д. О. Добровольского по поводу подобных типологий можно согласиться лишь отчасти. Автор прав в том, что критерии разграничения полной или частичной эквивалентности определяются исследователями-переводоведами интуитивно и произвольно: так, противопоставление фразем – частичных эквивалентов фраземам-аналогам осуществляется на основе субъективной оценки со стороны исследователя и далеко не всегда убеждает читателя. Прав автор [3] и в том, что определение «частичный эквивалент» малоинформативно: частичность эквивалента может проистекать из самых разных источников. Однако нельзя согласиться с тем, что классификации подобного рода нерелевантны для фразеографии [3, с. 214–215]. Несмотря на их явные недостатки, они обладают потенциалом для совершенствования и, в улучшенном виде, будучи переведены на рельсы более высокой степени объективности, полезны как раз и прежде всего для двуязычной фразеографии – несмотря на то, что во фразеографии до сих пор не используются. Последнее обстоятельство скорее объясняется слабой рефлексией со стороны лингвистики по отношению к результатам и выводам, к которым приходит переводоведение. Больше внимание к переводоведению могло бы сослужить лингвистике, и в первую очередь фразеографии и семантике, хорошую службу.

Доказуемость и объективизация теоретических построений в сфере изучения типов эквивалентности для фразеологизмов может быть достигнута описанием всех существенных признаков фразеологизмов и присвоением этим признакам определенного статуса (например, в виде коэффициента) на шкале оценки степени близости между оригиналом и переводом. Так, для идиом можно выделить следующие существенные для описания этого феномена параметры: 1) смысл в тексте; 2) семантика вне текста (на языковом уровне) и возможная полисемия; 3) идиоматичность; 4) структура (из каких языковых элементов состоит фразеологизм); 5) устойчивость vs вариативность; 6) образность; 7) постоянство просодического контура; 8) стиль; 9) частотность; 10) сочетаемость и употребление в текстах; 11) синтаксическая роль в предложении; 12) национально-культурная специфика; 13) эпоха возникновения и распространения.

Каждому параметру присваивается определенная значимость на шкале оценки степени близости перевода к оригиналу. Соответствие фразеологизма исходного текста Φ' его переводу Φ'' по функционально-смысловой нагрузке в тексте является наиболее значимым критерием для определения степени близости между Φ' и Φ'' и, как следствие, для оценки удачи переводческого решения. Поэтому присвоим параметру (1) высокий коэффициент – скажем, 10.

Однако этого критерия недостаточно: было бы неправомочно рассматривать перевод фразеологизма Φ' словосочетанием или сложным словом Φ'' как полностью эквивалентный только на том основании, что Φ'' передает в данном конкретном текстовом примере перевода тот же смысл, что и Φ' в оригинале. Не менее важен и критерий «идиоматичность» (3): если фразеологизм Φ' переводится неидиоматическим словосочетанием, такой перевод мы не будем рассматривать как эквивалентный. Присвоим параметру «идиоматичность» коэффициент 7 или 8.

Стилистические расхождения, сфера употребления, частотность также влияют на оценку степени близости оригинала и перевода: например, если в русском языке выражение *я умываю руки* используется в разговорной речи, в том числе в бытовых диалогах, то его немецкое соответствие *Ich wasche meine Hände in Unschuld* принадлежит к высокому стилю и далеко не столь частотно. Следовательно, степень соответствия здесь неполная и переводчику следует поостеречься от механического употребления этого эквивалента: его неполнота кроется в несоответствии факторов «частотность» и «стиль» (и отчасти «структура», см. ниже).

В рассмотрении вопросов эквивалентности должна учитываться и сочетаемость: так, если в немецком языке идиома *um ein Haar* может употребляться в любых контекстах и означает по сути то же, что ‘почти’, то ее русское соответствие (по лексической и синтаксической структуре и семантике на уровне языковой системы) *быть на волосок от чего-л.* может сочетаться только со словами, обозначающими опасность, риск, гибель или большую неприятность: *от гибели, от смерти, от аварии, от краха* и некоторыми иными; нельзя сказать **кто-л. был на волосок от освобождения*, в то время как в немецком фраза *j-d wäre um ein Haar befreit* нормативна. Кроме того, внешне совпадающие по лексике, синтаксису и значению идиомы *um ein Haar* и *на волосок от чего-л.* употребляются в разных синтаксических позициях: в то время как в русском языке после фразеологизма требуется существительное в родительном падеже или инфинитивная группа, вводимая союзом *чтобы* (*быть на волосок от того, чтобы завалить экзамен*), в немецком наиболее частое сочетание этого фразеологизма с глаголом в конъюнктиве плюсквамперфекта: *Um ein Haar hätte er sich verraten*. Представляется, что сочетаемость и условия контекста (комбинаторика) являются немаловажными критериями для оценки степени эквивалентности перевода.

Немалую роль в практическом переводе играет и критерий «национально-культурная специфика» (12). Так, даже если в аспекте функционально-семантическом можно посчитать русский перевод *Я ему про Фому, а он мне про Ерёму* немецкой идиомы *aneinander vorbeireden* переводческой удачей (образно, живо, шутливо), то в аспекте национально-культурном вряд ли этот способ перевода стоило бы рассматривать как счастливую находку переводчика: трудно себе представить, чтобы какой-либо немец упомянул в диалоге Фому и Ерёму, даже в русском переводе. С другой стороны, национально-культурный фон характеризует далеко не все идиомы, поэтому данный критерий вступает в силу не всегда и не стоит преувеличивать его значимость.

Нельзя не учитывать и время появления и распространения фразеологизма (13): например, хотя русское выражение *Приятных выходных!* полностью соответствует немецкому пожеланию *Schönes Wochenende!*, в русском языке оно появилось и распространилось только в начале нынешнего столетия, поэтому вряд ли подобный перевод немецкого фразеологизма следует рассматривать как полностью эквивалентный для

любой исторической эпохи, за исключением временного интервала начиная с нулевых годов. По тем же причинам перевод фразы *Tut mir leid, Rosi, war nicht persönlich gemeint* из романа «Der Hahn ist tot» Ингрид Нолль в форме *Извини, Роза, ничего личного* также нельзя признать эквивалентным: выражение *ничего личного* в значении 'не обижайся' бытует в русском языке лишь с начала нынешнего века, поэтому подобный перевод был бы анахронизмом. Но значимость диахронического критерия не следует и преувеличивать: большинство фразеологизмов не откладывается в памяти реципиентов как возникшие или получившие распространение в конкретную эпоху. Скорее, это релевантно для фразеологизмов, возникших в языке недавно и потому осознаваемых как новые, или, наоборот, для откровенно устаревших выражений, осознаваемых как (более) неупотребительные, архаичные и редкие.

Не все фразеологизмы обладают образностью (параметр 6), но если она имеет место, то для перевода она обычно семантически значима, особенно в случаях обыгрывания «внутренней формы» фразеологизма автором текста. Исследователь решает, сколь существен для его шкалы сравнения параметр «совпадение образности» и в каком месте на шкале этот критерий располагается.

Некоторые важные для описания фразеологизмов вне ситуации перевода параметры в рамках анализа степени эквивалентности перевода оригиналу не играют роли. Так, просодическому контуру (параметр 7 в данном списке), являющемуся важным опознавательным признаком фразеологизма в пределах одного языка, имеет смысл присвоить нулевую значимость: эквивалентный фразеологизм не должен обладать теми же просодическими характеристиками, что оригинал, так как в каждом языке просодия своя. Не имеет значения для анализа конкретных переводов и способность фразеологизма к варьированию (5). Этот фактор существен для описания леммы в одноязычном или двуязычном словаре, а также для поиска переводных примеров: нужно иметь в виду, что в оригинале фразеологизм может быть представлен в разных вариантах. Но в оценке эквивалентности он не может учитываться, так как фразеологизм уже представлен в тексте конкретным вариантом и его способность к варьированию не отражается на оценке его перевода в данном примере.

Не вполне ясно, насколько значим такой параметр, как полисемия Φ' (в нашем списке под цифрой 2), если она отлична от количества значений Φ'' на уровне языка. Решение по данному вопросу принимает исследователь: один может посчитать его значимым, другой, возможно, предложит его проигнорировать.

Дискуссионным представляется и параметр «структура» (4): следует ли принимать его во внимание и, если да, в какой мере, решает исследователь. Так, уже упомянутая фразеологизма *Ich wasche meine Hände in Unschuld* различается с русским соответствием *Я умываю руки* по синтаксическому составу. Это, казалось бы, чисто структурное отличие релевантно, по-видимому, и для образности, и для стилистики. Для некоторых фразеологов неоднословность является едва ли не важнейшим критерием, отделяющим фразеологизм от иных языковых явлений; другие считают, что сложные слова могут рассматриваться как фразеологизмы – например, в таких языках, как немецкий, где словосложение выступает как средство, позволяющее избегать атрибутивно-субстантивных групп. Поэтому считать ли слово *Löwenanteil* полным эквивалентом фразеологизма *львиная доля*, невзирая на структурное расхождение, или не считать его таковым как раз по причине структурного несовпадения, в конечном итоге зависит от подхода к фразеологизмам, от их определения.

В зависимости от присвоенных коэффициентов описанные здесь параметры получают больший или меньший вес в определении степени близости Φ'' по отношению к Φ' . Полное совпадение по всем параметрам, которые фразеограф считает значимыми, дает в итоге результат «полная эквивалентность».

Присвоив отдельным параметрам меру их значимости, значительно проще сравнивать оригинал и перевод в разных релевантных для этого сравнения аспектах. Выбранные для анализа эквивалентности параметры образуют своего рода веер, концы

которого удалены от основания на разную длину, в зависимости от присвоенных коэффициентов значимости. Этот «веер» может, как лекало, мысленно прикладываться к конкретным парам Φ' и Φ'' . Для конкретного анализа пар «оригинал / перевод» присвоенные коэффициенты могут быть представлены в их максимальном выражении, но могут не достигать максимальной величины, причем в разной степени. Например, если критерий «образность» получил в нашей системе оценок коэффициент 5, то идиома *бельмо на глазу* по отношению к немецкому фразеологизму *ein Dorn im Auge*, возможно, получит по данному параметру значение 4, в то время как выражение *стать кому-л. поперёк дороги* как возможный перевод той же идиомы – значение 2.

Понятно, что все эти «вычисления» могут быть только неточными и базируются всё на той же интуиции, однако уже их полнота и формализация подхода к оценке дают возможность в значительно большей степени приблизиться к объективизации получаемых выводов и тем самым по возможности избавиться от вкусовщины. Формализация в процессе анализа важна для исследователя как доказательная база его решений, как подготовительный шаг к содержанию и формулировкам словарной статьи. Будут ли эти оценки эксплицитно представлены в словаре и, если да, в каком виде, решает фразеограф. Однако несомненно то, что и переводчик, и изучающий язык пользователь нуждаются в соответствующих пояснениях по всем приведенным здесь параметрам.

Сразу нужно признать, что если учитывать хотя бы часть из описанных выше критериев, то полная эквивалентность при переводе фразеологизмов – скорее, исключение. Практически любой перевод в той или иной степени представляет собой на уровне языковой системы частичный эквивалент. «Частичная эквивалентность» наблюдается при расхождении тех или иных показателей на представленной здесь многовекторной шкале сопоставления, когда по тому или иному критерию максимальная присвоенная параметру величина не достигнута. Сам по себе термин «частичная эквивалентность» малоинформативен: необходимо пояснять, в чем именно состоит расхождение между оригиналом и переводом. Чем больше такой содержательной и подробной информации будет в словаре, тем большую помощь он будет представлять для пользователя.

Таким образом, учет по возможности всех релевантных для сопоставления исходного и переводящего языков факторов позволяет формулировать рекомендации для переводчиков способом, максимально приближенным к практике переводческой деятельности. Пользователям двуязычных фразеологических словарей требуется, с одной стороны, описание большего числа возможных переводов в зависимости от тех или иных особенностей контекста (если они допускают определенную типизацию); с другой, им важны характеристики предлагаемых словарями способов перевода согласно параметрам, в сумме своей складывающихся в общее представление об эквивалентности – полной или, как правило, неполной (частичной). Пользователю необходимо объяснять, в чем именно заключается неполнота.

Список использованных источников

1. Koller, Werner. Phraseologismen als Übersetzungsproblem / Werner Koller // Sandig, Barbara (Hrsg.), “Europhras 92. Tendenzen der Phraseologieforschung. Studien zur Phraseologie und Parömiologie”. – № 1. – 1994. – S. 351–374.
2. Heinz, Michaela. Probleme der Phrasemäquivalenz im allgemeinen zweisprachigen Wörterbuch (Deutsch-Französisch) / Michaela Heinz // Sabban, Annette (Hrsg), Phraseologie und Übersetzen. – Bielefeld : Phrasemata II. Aisthesis Verlag, 1999. – S. 147–157.
3. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1980. – 207 с.
4. Добровольский, Д. О. Сопоставительная фразеология: межъязыковая эквивалентность и проблемы перевода идиом / Д. О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. – № 2 (22). – 2011. – С. 219–246.

5. Добровольский, Д. О. Беседы о немецком слове / Д. О. Добровольский. – М. : Языки славянских культур, 2013. – 752 с.
6. Добровольский, Д. О. Корпусы текстов и двуязычная фразеология / Д. О. Добровольский // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – № 5 (27). – 2015. – С. 23–37.
7. Павлова, А. В. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода / А. В. Павлова, Н. Д. Светозарова. – СПб. : Антология, 2012. – 480 с.
8. Павлова, А. В. Учебное пособие по русской фразеологии [Электронный ресурс] / А. В. Павлова. – Режим доступа : <http://doi.org/10.25358/openscience-7622>. – Дата доступа : 26.10.2022.
9. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин. – М. : Русский язык, 1975. – 656 с.
10. Дубровин, М. И. Иллюстрированный сборник идиом на пяти языках / М. И. Дубровин. – М. : Росмэн, 1997. – 211 с.
11. Квеселевич, Д. И. Русско-английский фразеологический словарь / Д. И. Квеселевич. – М. : Русский язык, 2000. – 704 с.
12. Литвинов, П. П. Англо-русский фразеологический словарь / П. П. Литвинов. – М. : Яхонт, 2000. – 446 с.
13. Petermann, Jürgen. Russisch-Deutsches phraseologisches Wörterbuch / Jürgen Petermann, Hansen-Kokorus, Tamara Bill. – Langenscheidt, Verlag Enzyklopädie, 1995.
14. Гололобова, Н. И. Фразеологические и нефразеологические способы перевода фразеологических единиц в произведениях Д. Г. Лоуренса / Н. И. Гололобова // Филология: научные исследования. – 2020. – № 7. – С. 41–50. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.7.33430. – Режим доступа : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33430. – Дата доступа : 26.10.2022.

Abstract. The article raises the question of the urgent need to reflect in bilingual phraseological dictionaries several alternative translation possibilities and to enrich the dictionaries with information concerning the degree of proximity of the original lemma and its proposed translations. This degree of proximity can be determined by a multiple (multi-vector) approach to the criteria of full and partial equivalence.

Keywords: phraseology, phraseological dictionary, bilingual phraseography, translation equivalence.

УДК 811.161.3'373:81'271(=161.3)

К. С. Пивавар

ФРАЗЕАЛАГІЧНЫЯ АДЗІНКІ Ў СУЧАСНАЙ КАМУНІКАЦЫІ: РОЛЯ Ў ФАРМІРАВАННІ І РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ МОЎНАЙ КАРЦІНЫ СВЕТУ БЕЛАРУСАЎ

Анагацыя. У артыкуле вылучаны фразеалагічныя адзінкі, якія выкарыстоўваюцца ў складзе стыкерпакаў у інтэрнэт-камунікацыі. Вызначана іх важная роля ў рэпрэзентацыі і фарміраванні моўнай карціны свету беларусаў. Аўтар прыходзіць да высновы, што змест фразеалагічных адзінак актуалізуе такія канцэпты-канстанты, як “чалавек”, “шчасце”, “поспех”, “дабрабыт”, “праца”, утрымлівае звесткі пра духоўную і матэрыяльную культуру беларусаў, прэцэдэнтныя імёны, а таму фразеалагічны фонд беларускай мовы з’яўляецца каштоўным аб’ектам даследавання для лінгвакультуролагаў.

Ключавыя словы: фразеалагічная адзінка, моўная карціна свету беларусаў, канцэптасфера, інтэрнэт-камунікацыя.

Фразеалагічныя адзінкі сваім зместам заўсёды звернуты да чалавека: яны не толькі апісваюць свет, але і ацэньваюць, інтэрпрэтуюць, выражаюць да яго суб’ектыўныя адносіны. Фразеалагізмы, па словах В. А. Маславай, “гэта душа ўсякай нацыянальнай мовы, у якой непаўторным чынам маніфестуецца дух і своеасабліваць нацыі” [1, с. 136].